

Белоногов Ю.Г., Мазука А.А. Нарушители трудовой дисциплины на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате в 1940–1946 годы: эволюция характеристик социологического портрета (Часть II) // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 3. – С. 42–51. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.3.06

Belonogov Yu.G., Mazuka A.A. Violators of labour discipline on the Krasnokamsk pulp and paper mill, 1940–1946: evolution of characteristics of the sociological portrait (part II). *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2017, no. 3, pp. 42-51. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.3.06

DOI 10.15593/perm.kipf/2017.3.06

УДК 331.108.62:676(470.53-21)“1940/1946”

Ю.Г. Белоногов, А.А. Мазука

НАРУШИТЕЛИ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА КРАСНОКАМСКОМ ЦЕЛЛЮЛОЗНО-БУМАЖНОМ КОМБИНАТЕ В 1940–1946 ГОДЫ: ЭВОЛЮЦИЯ ХАРАКТЕРИСТИК СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА (ЧАСТЬ II)*

Во второй части статьи рассматривается эволюция возрастного и гендерного состава, производственного стажа работы и квалификационного уровня нарушителей трудовой дисциплины на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате с целью объяснить трудовые правонарушения экономической мотивацией – стремлением представителей уязвимых социальных групп улучшить свой уровень жизни. По мнению авторов, в военный период на эволюцию трудовых нарушений влияли в большей степени именно материально-бытовые условия, зачастую обусловленные уровнем доходов и квалификацией работника. Выявлена обратная зависимость между квалификационным уровнем и стажем работы, с одной стороны, и фактами нарушения трудовой дисциплины – с другой. Во многом это стало следствием мобилизаций военнообязанных мужчин в РККА и, соответственно, вынужденных изменений социального состава работников на предприятии. Анализ возрастного и гендерного состава правонарушителей косвенно подтверждает данную зависимость. Трудности физического выживания в наибольшей степени коснулись именно наименее обеспеченных слоев населения с низкими доходами. Данная часть населения использует трудовые правонарушения как способ хотя бы минимально повысить свой уровень жизни. Для одних работников прогулы были необходимы для поиска дополнительных источников доходов. Для других – выход усматривался в дезертирстве с предприятия с целью как самостоятельного поиска более высокооплачиваемой работы (или работы с чуть лучшими социальными условиями), так и возвращения в родные места из-за элементарной бытовой неустроенности на новом месте работы.

Ключевые слова: дезертиры производства, прогул, Указ от 26 июня 1940 г., Указ от 26 декабря 1941 г., исправительно-трудовые работы, Краснокамский ЦБК, трудовые правонарушения, трудовая дисциплина.

Yu.G. Belonogov, A.A. Mazuka

VIOLATORS OF LABOUR DISCIPLINE ON THE KRASNOKAMSK PULP AND PAPER MILL, 1940–1946: EVOLUTION OF CHARACTERISTICS OF THE SOCIOLOGICAL PORTRAIT (PART II)

In the second part of article evolution of age and gender structure, production length of service and qualification level of violators of labor discipline on the Krasnokamsk pulp and paper mill with the purpose to explain labor offenses with economic motivation - the aspiration of representatives of vulnerable social groups to improve the standard of living is studied. According to authors, during the military period the material living conditions often caused by the level of the income and qualification of the worker more influenced evolution of labor violations. Inverse relation between the qualification level and length of service, on the one hand, and the facts of violation of labor discipline is revealed, on the other hand. In many respects it has turned out to be consequence of mobilization of persons liable for call-up of men in RKKA and, respectively, the compelled changes of social composition of workers at the enterprise. The analysis of age and gender list of offenders indirectly confirms this dependence. Difficulties of physical survival have most concerned exactly the least provided segments of the population with the low income. This part of the population uses labor offenses as a way at least minimum to increase the standard of living. For one workers truanquies were necessary for search of additional sources of the income. For other workers an exit was seen in desertion from the enterprise on purpose as independent search of more highly paid work (or works with slightly best social conditions), and returns to native places because of elementary household disorder on the new place of work.

Keywords: labor deserters, absence, Decree of June 26, 1940, Decree of December 26, 1941, corrective labors, Krasnokamsk pulp and paper mill, labor offenses, labor discipline.

© Белоногов Юрий Геннадьевич – кандидат политических наук, доцент кафедры государственного управления и истории, ФГБОУ ВО «Пермский национальный исследовательский политехнический университет», e-mail: ugb78@mail.ru.

Мазука Анастасия Антоновна – главный специалист, Министерство сельского хозяйства и продовольствия Пермского края, e-mail: nastya30may@rambler.ru.

* Первая часть статьи напечатана в журнале Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2017, № 1. С. 106–112 [1].

Гендерный аспект нарушений трудовой дисциплины отражает изменения, вызванные мобилизацией мужской части населения в действующую армию и увеличением доли женщин среди работников сферы индустрии. По приводимым в статье В.Н.Земскова данным, за годы войны на производство пришло около 500 тысяч домохозяек. В промышленности удельный вес женщин увеличился с 41 % в 1940 году до 52,9 % в 1944 году, в строительстве соответственно с 23 до 36 %, на транспорте и в учреждениях связи – с 24 до 45 %. Значительно возросла доля женского труда среди квалифицированных рабочих [2, с. 106].

Диаграмма на рис. 1 показывает, что в довоенный период нарушения трудовой дисциплины, совершаемые женщинами, в лучшем случае составляли половину нарушений, совершенных мужчинами. Однако в военный период (кроме 1943 года) удельный вес женщин-нарушителей уже составлял намного более 50 % от общего числа всех трудовых нарушений. В послевоенный период ситуация выравнивается.

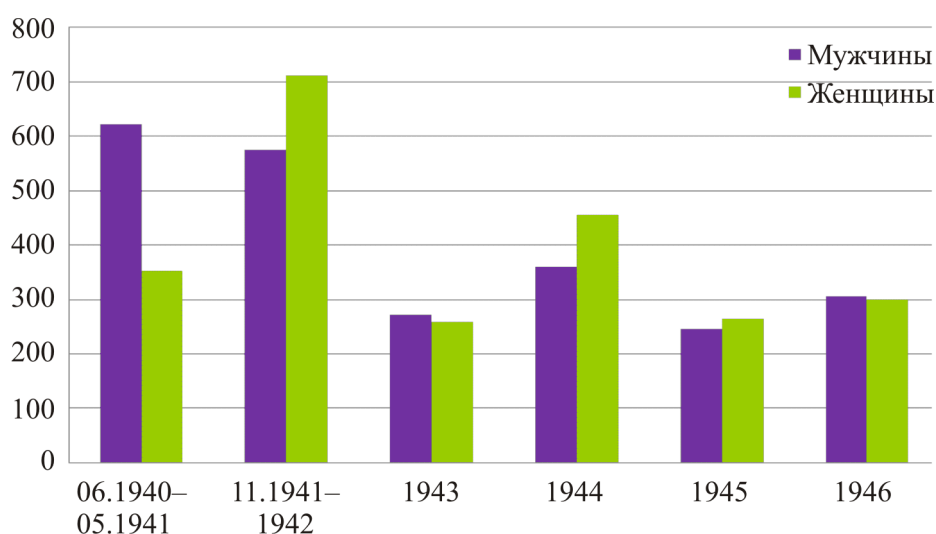


Рис. 1. Состав нарушителей трудовой дисциплины в 1940–1946 годах по гендерному признаку, ед.

Особенно ярко «женский» характер нарушений выразился в дезертирстве с производства (рис. 2). Кроме 1946 года, доля женщин была выше, чем у мужчин. Причем за период войны удельный вес женщин-дезертиров последовательно снижался (с 69 % в 1942 году до 52 % в 1945 году), а аналогичный показатель среди мужчин повышался. Скорее всего, это было вызвано политикой принудительных мобилизаций на предприятия гражданских лиц из других регионов, как правило, из числа женщин и молодежи. А.Я. Козинцев на основании источников центральных судебно-следственных органов сделал вывод о том, что в 1942–1943 годах рост дезертирства как особой разновидности трудовых правонарушений обеспечивался в основном за счет женщин и молодежи во многом из-за безответственного отношения администрации к вопросам организации труда и быта [3, с. 73]. Данный вывод подтверждается и материалами местных партийных органов. 8 июля 1942 года состоялось заседание бюро Краснокамского горкома ВКП(б) по вопросу о состоянии трудовой дисциплины на Камбумкомбинате. Принятое постановление констатировало, что «основными причинами нарушения трудовой дисциплины и дезертирств являются неудовлетворительное состояние культурно-бытовых условий рабочих, плохая организация труда и как следствие невыполнение норм и низкая зарплата у части рабочих, а также отсутствие воспитательной работы с молодыми, вновь пришедшими на производство кадрами» [4. д. 280. л. 23–24].

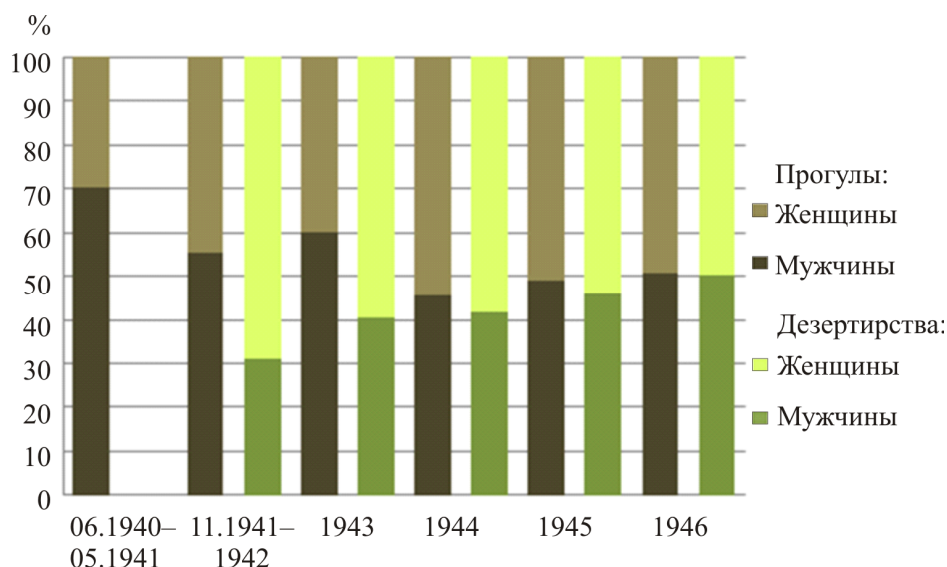


Рис. 2. Состав нарушителей трудовой дисциплины, привлеченных к уголовной ответственности в соответствии с Указами от 26 июня 1940 года (прогулы) и от 26 декабря 1941 года (дезертирства с производства) по гендерному признаку, %

Если нарушения Указа от 26 декабря 1941 года (дезертирства) однозначно имеют «женское лицо», то более «мягкие» (по наказанию) нарушения, кроме 1944–1945 годов, связаны в большей степени с мужской частью работников Краснокамского ЦБК (особенно это заметно в довоенный период). Однако к концу войны и в начале послевоенного периода гендерная ситуация выравнивается.

Возрастной состав нарушителей нарушителей трудовой дисциплины на КЦБК также отразил изменения социального состава работников, вызванные войной. На протяжении 1940–1946 годов состав нарушителей значительно омолаживается: согласно представленным на рис. 3 и 4 диаграммам, вплоть до 1942 года работники в возрасте свыше 25 лет доминировали среди нарушителей, однако в 1943–1946 годах их доля значительно уменьшается.

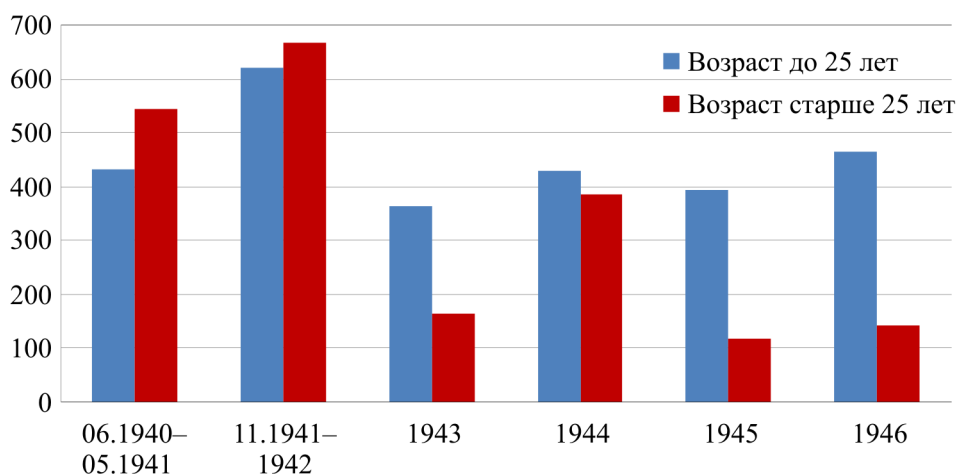


Рис. 3. Состав нарушителей трудовой дисциплины в 1940–1946 годах по возрастному признаку, ед.

Особенно тенденция омоложения нарушителей трудовой дисциплины прослеживается на примере дезертиров (рис. 5). Именно работники до 25 лет стали наиболее мобильной социальной группой, желающей значительно улучшить условия своей работы даже вопреки советскому трудовому законодательству.

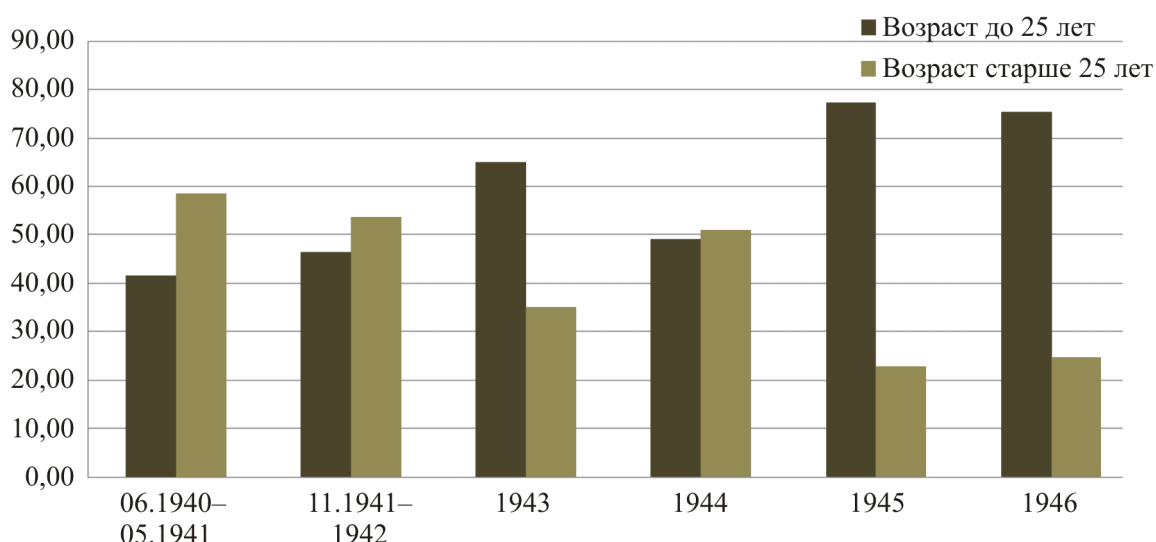


Рис. 4. Состав нарушителей трудовой дисциплины, привлеченных к уголовной ответственности в соответствии с Указом от 26 июня 1940 года (прогульщики) по возрастному признаку, %.

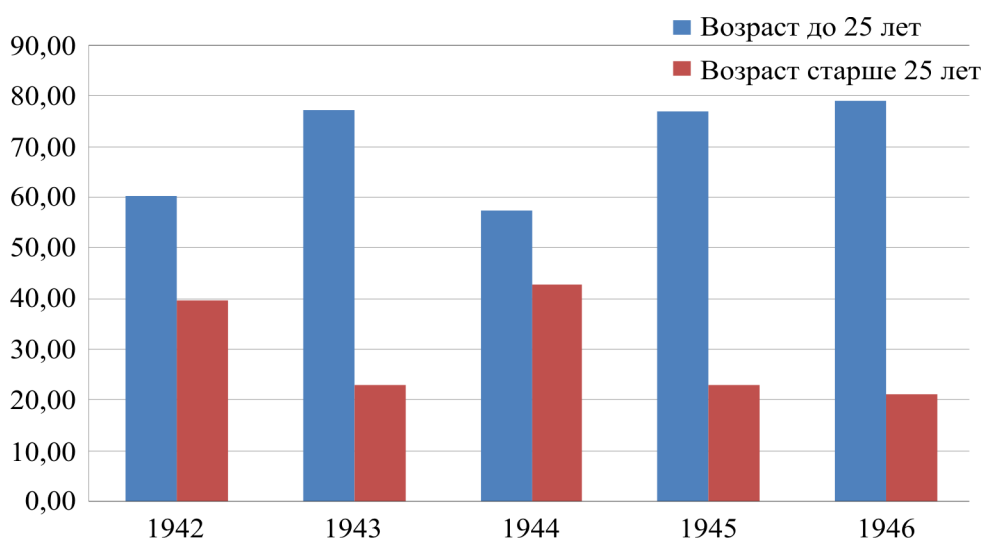


Рис. 5. Состав нарушителей трудовой дисциплины, привлеченных к уголовной ответственности в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 года (дезертиры с производства) по возрастному признаку, %

Выдвинем предположение, что а) необременность семьями и легкость в перемене мест в сочетании с б) достаточно низким уровнем социально-бытового обеспечения на новом месте работы (вероятно, и этим обстоятельством можно объяснить отмечаемые в источниках многочисленные случаи мелких краж и хулиганства среди представителей данной социальной группы) и в) возникающим желанием вернуться обратно в родные места под опеку родителей (даже в порядке несанкционированной реэвакуации) заставляли именно молодежь чаще нарушать трудовое законодательство с наиболее тяжкими для себя последствиями. Для сравнения: по п. 5 Указа от 26 июня 1940 года самовольный уход карался 2–4 месяцами тюрьмы, в то время как по п. 2 Указа от 26 декабря 1941 года планка за дезертирство (самовольный уход с предприятий военной промышленности и предприятий других отраслей, обслуживающих военную промышленность по принципу кооперации) колебалась в диапазоне 5–8 лет. Поэтому рост дезертирства именно среди молодежи неизбежно становился своеобразной формой социального протеста против проводимой властями политики в сфере труда.

Стаж нарушителей трудовой дисциплины. Если предшествующие показатели указывали исключительно на социальный портрет нарушителя трудовой дисциплины, то анализ следующих параметров позволит взглянуть на некоторые основополагающие причины нарушений. Так, согласно диаграммам на рис. 6–7, нарушения трудовой дисциплины в большей степени были характерны для работников, чей стаж на предприятии не превышал полгода (кроме начального периода войны), в абсолютно меньшей степени – для кадровых работников, имеющих стаж свыше 10 лет. Это свидетельство обратной зависимости между стажем работы и трудовыми нарушениями (особенно это заметно применительно к довоенному периоду, а также к дезертирам с производства в военный период). Исключение составляет начальный период войны (1941–1942 годы), когда на Краснокамском ЦБК наибольший удельный вес нарушителей приходится на работников со стажем в 1–3 года.

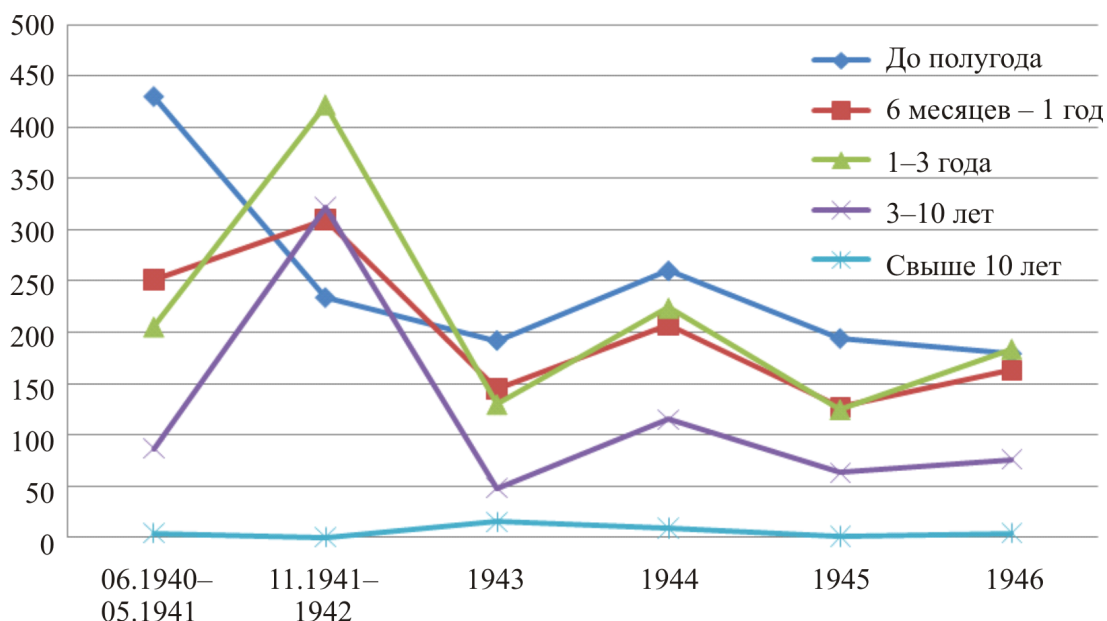


Рис. 6. Состав нарушителей трудовой дисциплины в 1940–1946 годах по трудовому стажу, ед.

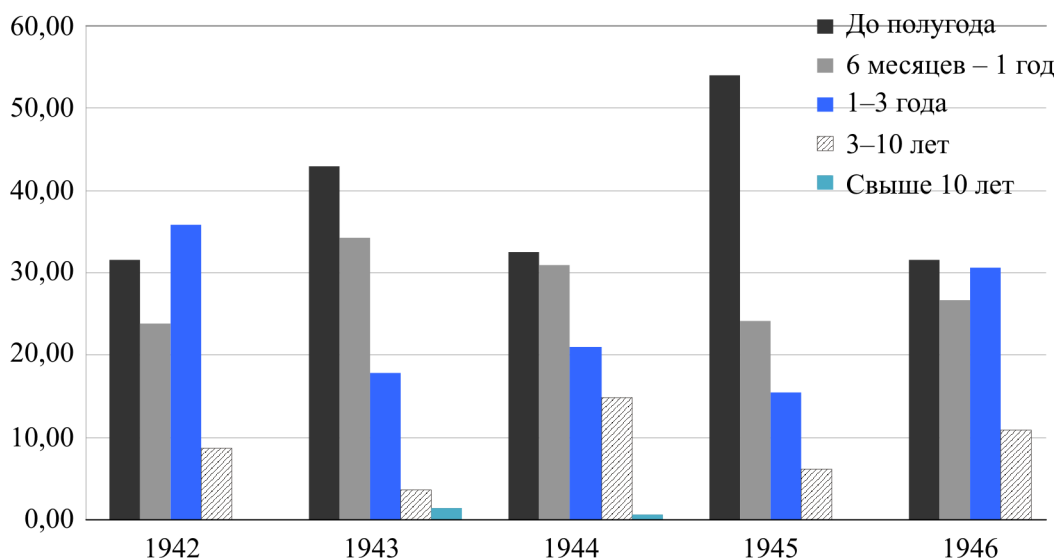


Рис. 7. Состав нарушителей трудовой дисциплины, привлеченных к уголовной ответственности в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 года (дезертиры с производства) по трудовому стажу, %

Данные диаграмм на рис. 6–7 косвенно подтверждают выводы исследователей об избирательности применения уголовного законодательства. В случае нарушений трудовой дисциплины передовиками производства, стахановцами и ударниками с ними в основном велась разъяснительная работа без передачи дела в судебно-следственные органы. Относительной редкостью было и привлечение к уголовной ответственности кадровых рабочих с многолетним трудовым стажем на данном предприятии [2, с. 111]. Наоборот, уголовное преследование за дезертирство было преимущественно характерно для мобилизованной рабочей силы из других регионов, более склонной к самовольному уходу и побегу [5, с. 56].

Диаграмма, представленная на рис. 8, показывает, что в военный период наибольший удельный вес нарушителей Указа от 26 июня 1940 года (прогульщиков) приходится на работников-маргиналов с очень небольшим стажем работы и работников, уже прошедших первоначальный этап профессиональной социализации (1–3 года) и поэтому, видимо, не боявшихся относительно слабых карательных санкций этого нормативно-правового акта.

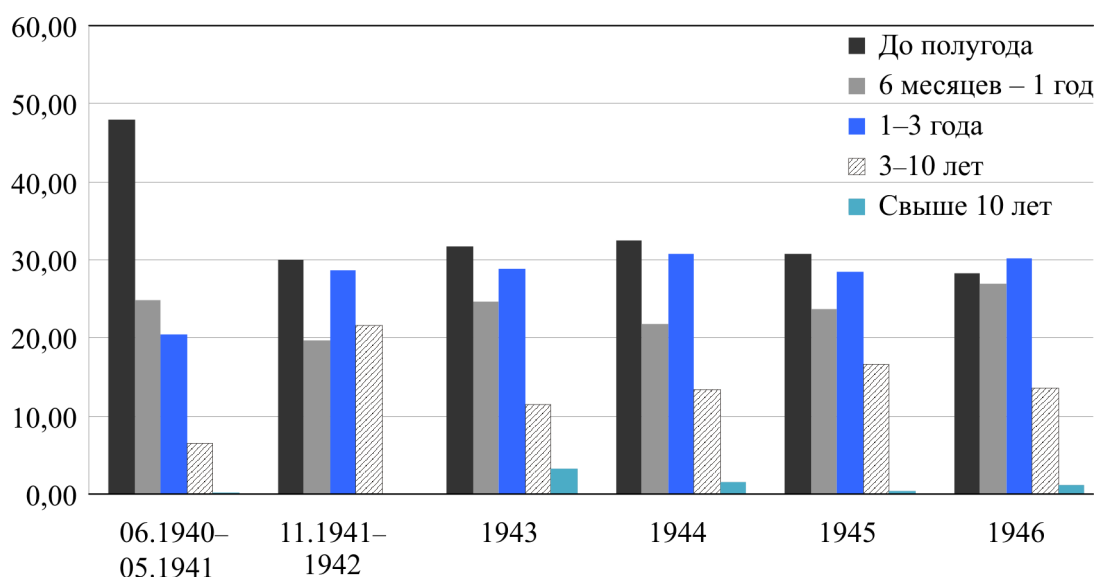


Рис. 8. Состав нарушителей трудовой дисциплины, привлеченных к уголовной ответственности в соответствии с Указом от 26 июня 1940 года (прогульщики) по трудовому стажу, %

Уровень квалификации нарушителей трудовой дисциплины (рис. 9–10) опять же показывает обратную зависимость между уровнем оплаты труда и нарушениями трудовой дисциплины: чем ниже уровень квалификации работников (соответственно, и уровень оплаты труда), тем выше степень нарушений среди представителей данной категории работников. Особенно данная тенденция заметна в отношении дезертиров: доля представителей из группы с самым низким квалификационным уровнем составляла в среднем половину нарушителей. На эту связь обратила внимание С.Г. Желаева при изучении причин нарушений трудовой дисциплины (прежде всего дезертирства) среди рабочей молодежи в годы Великой Отечественной войны на материалах Республики Бурятия: «... Даже отдавая все силы работе, начинающие рабочие зачастую не могли изменить свое бедственное положение: перебои в работе предприятий, недостатки организации труда и производственно-технического обучения, отсутствие опыта и навыков не позволяли им рассчитывать на достойную зарплату. Как правило, их зарплаты хватало только на питание в течение 2–3 недель» [6, с. 25].

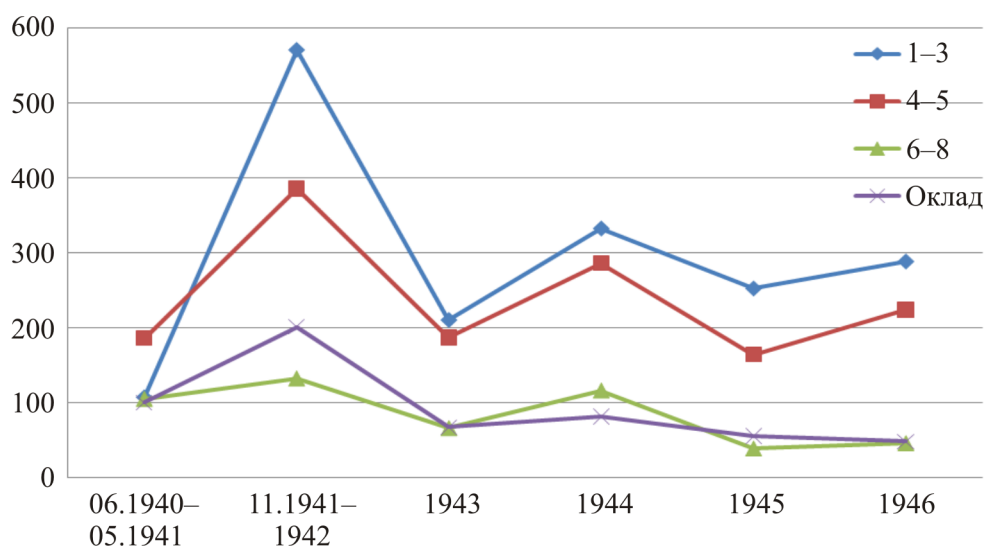


Рис. 9. Состав нарушителей трудовой дисциплины в 1940–1946 годах по квалификационному разряду, ед.

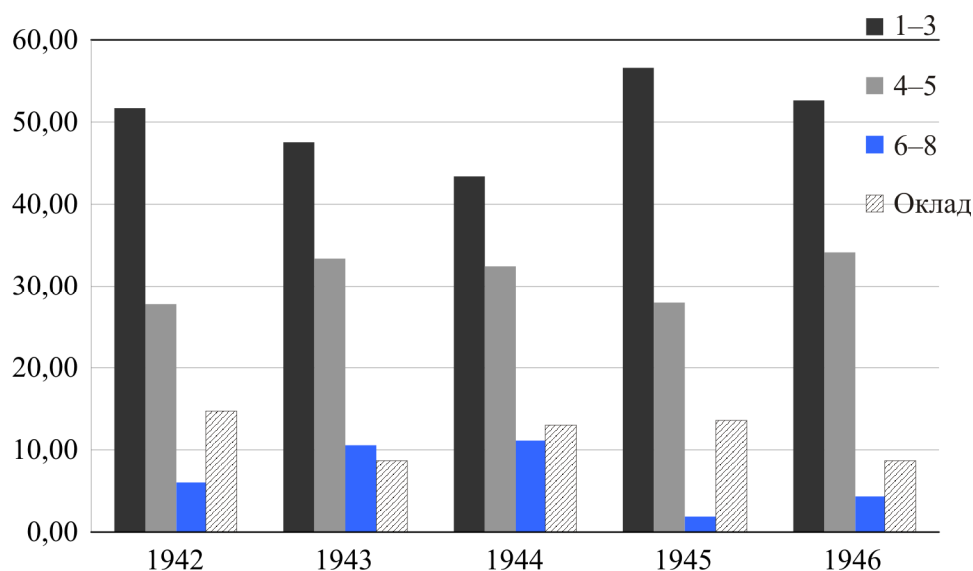


Рис. 10. Состав нарушителей трудовой дисциплины, привлеченных к уголовной ответственности в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 года (дезертиры с производства) по квалификационному разряду, %

При парном сопоставлении диаграмм на рис. 6 и 9, 7 и 10 выясняется, что потенциальными нарушителями становились не только работники-маргиналы с малым опытом работы на предприятии и с соответствующим низким уровнем квалификации (следовательно, и оплаты труда), но и работники с чуть большим стажем работы (1–3 года), в силу ряда причин не имевшие высокой квалификации (или переведенные на менее квалифицированные работы). В конечном счете низкий совокупный доход (вследствие невысокого квалификационного уровня), ставивший перед таким работником проблему элементарного физического выживания, в сочетании с мало очевидными карьерными перспективами для повышения материального уровня жизни, заставлял трудящегося даже под угрозой длительного тюремного наказания самовольно уходить на другое производство в поисках лучших условий труда и быта.

Сопоставление данных диаграмм (см. рис. 8, 11) показывает, что в отношении нарушителей Указа от 26 июня 1940 года действовала та же закономерность: даже получение 4–5-го квалифика-

ционного разряда за 1–3 года непрерывной работы на Краснокамском ЦБК не гарантировало желаемого уровня доходов, необходимого для элементарного выживания. Поэтому работники, не получившие от врача бюллетень или согласия от руководства на административный отпуск без содержания, сознательно шли на прогулы (даже длительные, в течение нескольких рабочих дней), чтобы получить побочный дополнительный доход (значительно превосходящий заработную плату на предприятии), который одновременно и перекроет убыток от максимальных 25 % отчислений из зарплаты. Так, в одном из отчетов за первое полугодие 1942 года упоминается о том, что длительные прогулы использовались для поездки без официального разрешения руководства предприятия в сельскую местность с целью скупки или обмена продуктов, чтобы перепродать их на городском рынке. В ходе беседы с такими предприимчивыми работниками (как правило, «рецидивистами», неоднократно привлекавшимися к уголовной ответственности за нарушения трудовой дисциплины) автор отчета счел нужным отметить: «Эти люди говорят, что для меня ничего не значит, если я прогуляю 10–15 дней: мне дадут 3–4 месяца (срок исправительно-трудовых работ с вычетом из заработной платы – Ю.Б., А.М.), а я привезу на 2–3 тысячи» [4, д. 305, л. 67–69]. При этом упоминается и о том, что отдельные начальники цехов и отделов несвоевременно сообщают отделу кадров о нарушителях дисциплины, замедляют представление извещений о случаях прогулов. Иногда этот факт объяснялся и корыстными соображениями: по сговору с нарушителями низовые руководители в обмен на «прикрытие» могли распоряжаться по своему усмотрению хлебными карточками нарушителей на время отсутствия тех на работе.

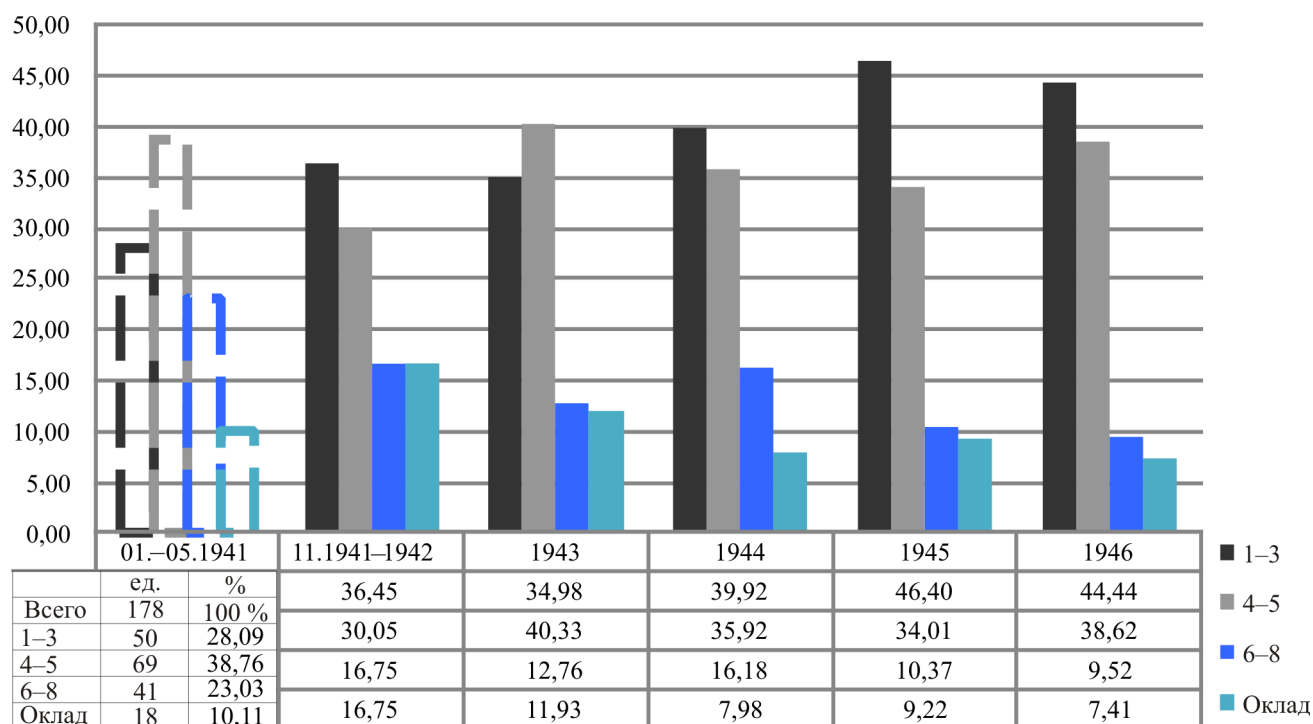


Рис. 11. Состав нарушителей трудовой дисциплины, привлеченных к уголовной ответственности в соответствии с Указом от 26 июня 1940 года (прогульщики) по квалификационному разряду, %

Выводы. Пик регистрируемых трудовых правонарушений приходится на первый период Великой Отечественной войны (1941–1942 годы). Их рост даже на фоне инициированной Центром кампании по «закручиванию гаек» в августе – сентябре 1940 года, повлиявшей на общие результаты за июнь 1940 – май 1941 годов, выглядит впечатляющим. Причины роста

правонарушений на первом этапе войны (отсутствие данных за июнь – октябрь 1941 года, данные за два последних месяца 1941 и 1942 годов объединены) авторы усматривают в ухудшении материальных условий жизни. За первый этап войны из-за мобилизации значительной части трудоспособного мужского населения в РККА значительно изменился социальный состав трудящихся: увеличивалась численность малоквалифицированных и поэтому более низкооплачиваемых групп молодежи и женщин. Это происходило на фоне централизованной эвакуации населения из западных районов СССР в восточные регионы, размещения эвакуированных предприятий на Урале и в Сибири, трудовых мобилизаций работников из соседних регионов и даже Средней Азии для обеспечения нужд промышленного тыла рабочей силой, что обостряло проблему материально-бытовых условий. Перестройка гражданской экономики на военный лад в масштабах всей страны объективно порождала организационные трудности (недоставки необходимых исходных материалов, сложность освоения новой продукции и сопутствующий ей брак), которые отрицательно сказывались на выполнении плановых заданий и тем самым влияли на снижение заработной платы. К тому же существенное ограничение таких городов, как Краснокамск, в централизованном снабжении продуктами и товарами первой необходимости привело к росту цен на «черном рынке». Все это ставило значительную часть местного и эвакуированного населения перед проблемой физического выживания.

Указанные трудности в наибольшей степени коснулись наименее обеспеченных слоев населения с низкими доходами (согласно рис. 10, малоквалифицированных работников). В таких условиях именно эта часть населения использует трудовые правонарушения как способ хотя бы минимально повысить свой уровень жизни. Для одних работников прогулы были необходимы для поиска дополнительных источников доходов (например, за счет поездок в деревню с целью скупки или обмена промышленных товаров на продукты питания для последующей перепродажи на «черном рынке»). Для других работников выход усматривался в дезертирстве с предприятия с целью как самостоятельного поиска более высокооплачиваемой работы (или работы с чуть лучшими социальными условиями), так и возвращения в родные места из-за элементарной бытовой неустроенности на новом месте работы.

По мнению авторов, в военный период именно материально-бытовые условия, зачастую обусловленные уровнем доходов и квалификационным характером труда, в большей степени влияли на эволюцию трудовых нарушений. При значительном снижении числа трудовых нарушений в 1943–1946 годах (в том числе и по причине частичной декриминализации) в их структуре лидирующие места стали занимать прогулы и дезертирства.

В силу изменений социального состава трудящихся за годы войны несколько трансформировался и социальный портрет нарушителя. В довоенный период трудовые нарушения были связаны преимущественно с мужчинами старше 25 лет, обладающими 4–5-м квалификационными разрядами. За время войны удельный вес женщин среди нарушителей доминирует, облик нарушителя становится намного более молодым, увеличивается удельный вес работников с 1–3-летним трудовым стажем, более значимой становится обратная зависимость между уровнем квалификации и количеством трудовых правонарушений.

В целом выводы о динамике и взаимосвязях ряда факторов и видов нарушений трудовой дисциплины, полученные в рамках данного эмпирического case study, в основном не противоречат результатам, к которым пришли исследователи на примере изучения других регионов. Очевидно, ситуация с нарушениями трудовой дисциплины на Краснокамском ЦБК была типичной для индустриального сектора СССР на тех территориях, где не было боевых действий. Однако до сих пор актуальной научной задачей остается правильная (соответствующая истине) интерпретация и оценка полученных эмпирических результатов.

Список литературы

1. Белоногов Ю.Г., Мазука А.А. Нарушители трудовой дисциплины на Краснокамском целлюлозно-бумажном комбинате в 1940–1946 годы: эволюция социологического портрета Ч. 1 // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. – 2017. – № 1. – С. 106–112. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.1.13
2. Земсков В.Н. Организация рабочей силы и ужесточение трудового законодательства в годы Великой Отечественной войны // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104–114.
3. Кодинцев А.Я. Осуществление правовой политики Советского государства органами юстиции при проведении кампании по реализации Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года в военный и послевоенный период // Политика и общество. – 2008. – № 5. – С. 72–79.
4. Пермский государственный архив новейшей истории (ПермГАНИ). Фонд Краснокамского городского комитета КПСС. Ф. 1290. Оп. 1.
5. Кладов В.Ю. Дезертирство с оборонных предприятий Пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. – 2015. – № 10 (100). – С. 55–59.
6. Желаяева С.Г. Рабочая молодежь в годы Великой Отечественной войны (на материалах Республики Бурятия) // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2015. – № 7. – С. 24–29.

References

1. Belonogov Yu.G., Mazuka A.A. Narushiteli trudovoi distsipliny na Krasnokamskom tselliulozno-bumazhnom kombinatе v 1940–1946 gody: evoliutsiia sotsiologicheskogo portreta Ch. 1 [Violators of labour discipline on the Krasnokamsk pulp and paper mill, 1940–1946: evolution of the sociological portrait (part I)]. *Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law*, 2017, no. 1, pp. 106-112. DOI: 10.15593/perm.kipf/2017.1.13
2. Zemskov V.N. Organizatsiia rabochei sily i uzhestochenie trudovogo zakonodatel'stva v gody Velikoi Otechestvennoi voiny [Organization of labor and tightening of labor legislation during the Great Patriotic War]. *Mezhdunarodnye otnosheniia*, 2014, no. 1, pp. 104-114.
3. Kodintsev A.Ia. Osushchestvlenie pravovoi politiki Sovetskogo gosudarstva or-ganami iustitsii pri provedenii kompanii po realizatsii Ukaza Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 26 iunია 1940 goda v voennii i poslevoennii period [Implementation of the legal policy of the Soviet state by the justice authorities in carrying out the company to implement the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of June 26, 1940 during the military and post-war period]. *Politika i obshchestvo*, 2008, no. 5, pp. 72-79.
4. PermGANI (Permskii gosudarstvennyi arkhiv noveishei istorii). Fond Krasnokamskogo gorodskogo komiteta KPSS, f. 1290, op.1.
5. Kladov V.Iu. Dezertirstvo s oboronnykh predpriatii Penzenskoi oblasti v 1942–1944 gg.[Desertion from the defense enterprises of the Penza region in 1942-1944]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2015, no. 10 (100), pp. 55-59.
6. Zhelaeva S.G. Rabochaia molodezh' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (na materialakh Respubliki Buriatii) [Working youth during the Great Patriotic War (on materials of the Republic of Buryatia)]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2015, no. 7, pp. 24-29.

Получено: 15.01.2017

Принято к печати: 30.01.2017